

А. В. Каргальцев

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ДИОКЛЕТИАНА

В период правления Диоклетиана произошло последнее и наиболее решительное наступление римского государства на Христианскую Церковь. В течение двух лет (303–305 гг.) императором было издано четыре антихристианских эдикта, и в дальнейшем гонения продолжались в разных частях Империи при его преемниках, завершившись лишь с победой Константина. Мероприятия Диоклетиана носили иной характер, чем у его предшественников. Путем репрессивных мер государство пыталось потеснить позиции Церкви, значительно выросшей к концу III в. Главный удар в это гонение пришелся по самой основе Церкви — в отношении клира и книг Священного Писания. Были разрушены многие церковные здания, а значительное число верующих подверглось мучительным пыткам и казням. Но следует отметить и то обстоятельство, что гонения начались лишь к концу правления Диоклетиана, протекали неравномерно в разных частях Империи, что мешает однозначно оценить политику императора-гонителя.

Ключевые слова: Великое гонение, Римская империя, Диоклетиан, христианство, римское язычество.

Анализируя обстоятельства гонений римского императора Диоклетиана на христиан, исследователи предлагали двоякое объяснение. С одной стороны, в действиях Диоклетиана виделось развитие политики его предшественников, то есть защита римского язычества и особенно императорского культа¹. С другой стороны, трудно отрицать активное участие в развязывании преследований Галерия, который был душой всей антихристианской компании и оказывал значительное влияние на Диоклетиана. Упоминание о цезаре Востока важно еще и тем, что созданная Диоклетианом политическая система оставляла тетрархам возможность действовать по своему усмотрению. Поэтому в большей степени гонения затронули восточные провинции Империи при личном участии Галерия, напротив, на западе правители либо проигнорировали антихристианские эдикты (Констанций), либо отнеслись к ним без должного

Алексей Витальевич Каргальцев — соискатель ученой степени к. и. н., Институт истории, СПбГУ (kargaltsev@gmail.com).

¹ Duchesne L. *Histoire ancienne de l'Église*. Paris, 1907. Vol. 2. P. 8.

внимания (Максимиан). Однако взятые по отдельности обе точки зрения достаточно рано столкнулись с критикой в историографии². Во-первых, потому что сложно было объяснить, почему Диоклетиан в течение 18 лет откладывал религиозную реформу и начал ее на закате своего правления. По второй версии он делался безвольной игрушкой в руках своего цезаря, что не соответствовало известным по источникам характеру и образу правления императора. Даже комплексный подход, предложенный А. Грегуаром, в соответствии с которым мероприятия в религиозной сфере следует рассматривать в контексте всей государственной политики, представляется не вполне точным³. Гонения получили достаточно полное освещение в источниках благодаря подробным рассказам Евсевия, Лактанция и Константина. Эти повествования обладают тем преимуществом, что написаны современниками событий. «Своими глазами видели мы, — пишет Евсевий, — как молитвенные дома рушили от верха и до самого основания, а Божественные святыне посередине площади предавали огню» (Euseb. HE, VIII, 2, 1). Лактанций тем более находился в самой гуще событий, поскольку преподавал риторику в резиденции Диоклетиана в Никомедии, и лишь с началом гонений вынужден был оставить свой пост (Lact. Div. Inst., V, 2, 2; 11, 15)⁴. Конечно, труды церковных историков не лишены полемики, и относится к ним следует с определенной осторожностью, однако приводимые факты представляются весьма достоверными⁵.

Возможно, поводом к началу гонений стали события 298 г., упомянутые Лактанцием. Во время традиционного жертвоприношения, проводимого гаруспиками, христиане стали осенять себя крестным знаменем, в результате чего «из-за бегства демонов» церемония была нарушена. Это вызвало бешенство императора, который приказал всем присутствующим во дворце принести жертвы; тех, кто откажется, бить плетьюми, а солдат увольнять со службы (Lact. De Mort. Pers., 11, 1). 23 февраля 303 г. в праздник Терминалий преторианцами под личным руководством

² Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви / под ред. и с предисл. А. Бриллиантова; репринт: в 4 т. Т. 2: История церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 144.

³ Gregoire H. Les persecutions dans l'empire romain. 2 éd. Bruxelles, 1964. P. 68.

⁴ Barnes T. D. Lactantius and Constantine // The Journal of Roman Studies. 1973. № 63. P. 40.

⁵ Лебедев А. П. Греческие церковные историки IV, V, VI веков. М., 1890. С. 44–47; Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. 1. P. 37.

Диоклетиана была разрушена церковь в Никомедии (Lact. De Mort. Pers., 12, 5). На следующий день был опубликован первый антихристианский эдикт, подписанный обоими правителями Востока и «повелевавший разрушать церкви до основания, а Писание сжигать и объявлявший людей, державшихся христианства, лишенными почетных должностей; домашняя прислуга лишалась свободы» (Euseb. HE, VIII, 2, 4). Лактанций же более осторожно сообщает, что христиане подлежали судебному преследованию за свою веру, лишались достоинства и могли подвергаться пыткам (Lact. De Mort. Pers., 13, 1). Через некоторое время в императорской резиденции в Никомедии произошли два пожара (Lact. De Mort. Pers., XIV, 2; 6). Лактанций называет Галерия организатором поджога, хотя и сообщает, что пожар был такой силы, что оба императора едва остались в живых (Lact. De Mort. Pers., 14, 2)⁶. В ходе расследования, проводившегося среди императорской прислуги и населения города, сопровождавшегося массовыми жертвоприношениями, очевидно в качестве акта лояльности, обвинение пало на христиан. Весной или летом 303 г. произошли волнения в Каппадокии, недалеко от Мелитены, и в Сирии, в которых также были заподозрены христиане. Следствием этих событий стало появление второго антихристианского эдикта, предписывавшего арест всех представителей христианского клира. Евсевий сообщает, что «повсюду попали в заключение тысячные толпы; тюрьмы, построенные издавна для убийц и разрывателей могил, были теперь полны епископов, священников, диаконов, чтецов и заклинателей; места для осужденных за преступление не оставалось» (Euseb. HE, VIII, 6, 9). Действие эдикта продолжалось до сентября или ноября 303 г., когда по случаю двадцатилетия правления (vicennalia) Диоклетиана появился третий эдикт, по которому христиане могли быть выпущены из тюрем при условии совершения ими жертвоприношений (Euseb. HE, VIII, 6, 10). Наши сведения о четвертом эдикте менее определены⁷. До конца не ясно, ни кто был его автор, ни время его появления. Мы имеем лишь краткое сообщение Евсевия о том, что в начале второго года преследований был объявлен указ, предписывающий «всем жителям городов поголовно приносить жертвы и делать возлияния идолам» (Euseb. De Mart. Pal., III, 1). Возможно, эдикт был опубликован в январе или в феврале 304 г. и касался лишь восточных провинций, во всяком случае наши

⁶ Southern P. The Roman Empire from Severus to Constantine. London; New York, 2004. P. 160.

⁷ Croix Ste G. E. M. de. Aspects of the "Great" Persecution // Harvard Theological Review. 1954. Vol. 47. № 2. P. 77; Jones A. H. M. The Later Roman Empire... P. 71.

источники не фиксируют его применение Констанцием или Максимианом. 1 мая 305 г. Диоклетиан и Максимиан ушли в отставку, после этого гонения на западе Империи практически прекратились.

Как полагают многие исследователи, инициатором начала гонений был Галерий, питавший личную ненависть к христианам⁸. Возможно, причиной ее было сильное влияние матери цезаря — Ромулы, убежденной язычницы (Lact. De Mort. Pers., 11, 1). Участие Галерия доказывается и тем, что в 298 г. влияние цезаря Востока на Диоклетиана резко возросло после удачного завершения им военной компании против Персии⁹. За этими событиями последовали консультации с военачальниками и представителями гражданской администрации, а также получение гарусниками санкции Аполлона Дидимского, которые вместе и склонили Диоклетиана к объявлению гонений. Однако и в этом случае «он попытался проявить сдержанность, приказав провести это предприятие без кровопролития, тогда как цезарь [Галерий] хотел сжигать живьем тех, кто противился жертвоприношениям» (Lact. De Mort. Pers., 11, 8). То, что санкция Аполлона действительно сыграла большую роль, подтверждает в одном из своих писем и император Константин, указывая, что в присутствии праведников тот перестал давать верные оракулы (Euseb. VC, 2, 50). Возможно, сообщение Константина об оракуле относится к 299 г., после получения которого началась антихристианская чистка в армии¹⁰.

Можно говорить о серьезной идеологической борьбе на рубеже III–IV вв., отраженной в многочисленных христианских и языческих источниках, которую У. Френд назвал «пропагандистской войной»¹¹. Несмотря на то что христианские авторы прямо обвиняли язычников в фальсификации пророчеств: «Лициний, прибыв в Антиохию, стал разыскивать чародеев и, пытая пророков и жрецов новоявленного идола, старался выведать, как сумели они придумать этот обман. Те, измученные

⁸ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви... С. 145.

⁹ Davies P. S. The Origin and Purpose of the Persecution of A. D. 303 // The Journal of Theological Studies. 1989. Vol. 40. P. 66–94; Clarke G. Third-Century Christianity // The Cambridge Ancient History. Vol. XII: The Crisis of Empire, A. D. 193–337 / ed. by A. Bowman, A. Cameron, P. Garnsey. 2 ed. Cambridge, 2005. P. 650.

¹⁰ Digeser E. D. An Oracle of Apollo at Daphne and the Great Persecution // Classical Philology. 2004. Vol. 47. № 1. P. 57. — О дате начала преследования христиан в армии см.: Davies P. The Origin and Purpose... P. 91–93.

¹¹ Frend W. H. C. Prelude to the Great Persecution: The Propaganda War // Journal of Ecclesiastical History. 1987. № 38. P. 1–18.

пытками, не могли умолчать и объявили, что вся мистерия — это обман» (Euseb. HE, IX, 11, 6), — следует скорее принять правоту Э. Р. Доддса, что «приписывать такие манипуляции целиком сознательной и циничной лжи — значит весьма упрощать картину»¹². Беспокойство Порфирия относительно нарушения деятельности крупнейших святилищ легко объяснимо, ведь оракулы были важнейшим инструментом, посредством которых языческие божества объявляли свою волю людям¹³. Философ считал богохульством веру в смертного человека, а не в высшего бога. «Каким наказаниям следовало бы справедливо подвергнуть людей, которые бегут от веры отцов?» — спрашивает он (Porph. Frg., 1)¹⁴. Гиерокл полагал, что если бы христиане действительно следовали своим принципам, то поклонялись бы Аполлонию Тианскому, а не Иисусу, ведь Аполлоний «совершил такие же или даже более великие дела», к тому же сразу не объявил себя богом (Euseb. Hierocl., II; Lact. Div. Inst., V, 2). Лактанций упоминает еще об одном философе-неоплатонике, который издал специальное антихристианское сочинение с критикой Священного Писания (Lact. Div. Inst., V, 2, 3). Вероятно, на рубеже III–IV вв. традиционно существующее в образованной языческой среде представление о христианстве как об отступничестве от веры отцов и вредном заблуждении усилилось опасениями за будущее своих взглядов и желанием положить предел распространению христианства. Очевидно, подобные взгляды разделяло и языческое жречество. Христианский апологет Арнобий приводит наблюдение о времени правления Диоклетиана: «Гаруспики, снотолкователи, гадатели, прорицатели и всегда лживые фанатики... чтобы их ремесло не погибло и чтобы не лишиться небольших подаяний от клиентов, сделавшихся уже редкими, они, как только замечают у вас желание, чтобы христианство подверглось ненависти, поднимают крик: боги презираются и храмы уже пустеют, древние религиозные церемонии подвергаются осмеянию и самые старые обряды прежних священнодействий прекратились вследствие суеверий новых религий, и справедливо род человеческий удручается столь многими тяжелыми бедствиями, терзается столь многими тяжелыми страданиями» (Arnob. Adv. Nat., I, 24). К сожалению, наши источники подробно не сообщают

¹² Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. СПб., 2000. С. 115.

¹³ Digeser E. D. The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome. London, 2000. P. 1–17, 91–114.

¹⁴ Цит. по: Digeser E. D. The Making of a Christian Empire... P. 6.

об отношении к христианам у рядового населения, но фактом остается то, что в конце III в. жизнь церкви перестала быть незаметной, как это было еще полстолетия назад. Большие храмы появляются во всех крупных городах Империи¹⁵. Вероятно, и храм в Никомедии, расположенный на холме, был хорошо виден из императорской резиденции. Нетрудно представить, какое раздражение вызывали эти постройки у агрессивно настроенных язычников. Среди близкого окружения Диоклетиана ситуация была неоднозначной. Возможно, его жена Приска и дочь Галерия Валерия были христианками (Lact. De Mort. Pers., 15, 1). Христиане были и среди приближенных императора, могли занимать высокие посты в армии и в гражданской администрации, но, очевидно, влияние их было не столь значительным (Euseb. HE, VIII, 6, 1).

Основания для начала гонений могли быть и более серьезными. Константин, упоминая вполне прагматическую причину — оракул Аполлона — говорит, тем не менее, что сами христиане не давали повода к преследованию (Euseb. VC, 2, 50). Это противоречит сообщению Евсевия о том, что христианский мир погрузился в пучину распрей и споров, которые доходили чуть ли не до кровопролития (Euseb. HE, VIII, 1, 7). Насколько подобные разногласия могли быть опасны для общественного порядка, свидетельствует время Константина, когда императору приходилось принимать самое деятельное участие в успокоении церкви на Востоке. Евсевий не поясняет, имели ли место разногласия только внутри клира или в них участвовал церковный народ, поскольку в этом случае реакция властей представляется вполне закономерной. Автор «Церковной истории» нигде не указывает на подобную взаимосвязь, для него гонения выступают как Божий суд за смуты в церкви, что, однако, не исключало реальных провокация со стороны христиан. Лактанций сообщает о некоем человеке, который после обнародования первого антихристианского указа, «несмотря на то, что это было небезопасно, с большим мужеством сорвал [со стены] и разорвал на куски этот эдикт, говоря с издевкой, что он представляет победы готы и сарматов» (Lact. De Mort. Pers., XII, 5). Возможно, подобные случаи гражданского неповиновения случались и ранее. Остается неясным, почему ни Евсевий, ни Лактанций не приводят официального текста эдикта, тем более что Лактанций как будто непосредственно присутствовал при его обнародовании. Церковные авторы ограничиваются лишь общими сведениями

¹⁵ Keresztes P. From the Great Persecution to the Peace of Galerius // *Vigiliae Christianae*. 1983. Vol. 37. P. 379.

о мерах, предписываемых документом, притом весьма разноречивыми. Не называется также официальная причина начала гонений, которая едва ли могла отсутствовать в тексте эдикта¹⁶. Это обстоятельство выделяется на фоне последующих частей «Церковной истории», в которых Евсевий полностью приводит аналогичные тексты (Euseb. HE, IX, 7, 3). Таким образом, можно вполне согласиться с предположением В. Портмана о том, что у христианских писателей могли быть все основания воздерживаться от публикации эдикта Диоклетиана, в случае если он содержал прямой намек на церковные распри как причину начала преследований¹⁷.

Следует упомянуть еще два обстоятельства, которые очевидно сыграли роль в развязывании гонений. Антихристианские эдикты Диоклетиана нередко рассматривают как логическое продолжение преследования манихеев¹⁸. Секта манихеев, появившаяся в Империи в конце III в., распространилась в Северной Африке и в ряде восточных провинций. В 297 г. император объявил их пособниками враждебной Персии. Поводом к преследованию послужили жалобы проконсула Африки на устраиваемые манихеями волнения в городах. Учеными предпринимались попытки сравнить эдикт против манихеев с аналогичным антихристианским законодательством¹⁹. Христиане в равной мере обвинялись в отказе от веры отцов и римских традиций, а также в нарушении общественного порядка. В данном случае последний аргумент представляется наиболее важным. Несмотря на то что преследования манихеев формально носили религиозный характер, они имели вполне прагматические цели. Данный пример показывает, насколько решительно правительство расправлялось с теми, в ком оно чувствовало угрозу своей политике. Однако если манихейство воспринималось как персидская религия вполне однозначно, то угроза со стороны христиан не так очевидна²⁰. Можно предположить, что таковой явилась активная христианская проповедь в соседней Армении в 301 г., контроль над которой лишь недавно был восстановлен в ходе персидского похода Галерия. На престол вернулся армянский царь

¹⁶ Portmann W. Zu den Motiven der Diokletianischen Christenverfolgung // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1990. Bd. 39. S. 219–220; Barnes T.D. *Constantine and Eusebius*. Cambridge, 2006. P. 19.

¹⁷ Portmann W. Zu den Motiven... S. 227–228.

¹⁸ Brown P. The Diffusion of Manichaeism in the Roman Empire // *The Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. № 1/2. P. 92.

¹⁹ Portmann W. Zu den Motiven... S. 223–224.

²⁰ Volterra E. La costituzione di Diocleziano e Massimiano contro i Manichei // *La Persia e il mondo greco-romano*. Roma, 1966. P. 27–50.

Тиридат, который был союзником Рима и убежденным язычником. Его падение в ходе христианской смуты было чревато серьезными осложнениями в регионе и угрожало свести на нет римские военные успехи.

Тезис о том, что характер преследований во многом зависел от личности тетрарха, хорошо иллюстрирует ситуация на западе Империи²¹. Есть все основания полагать, что Констанций, очевидно лично незаинтересованный в гонениях, ограничился лишь формальным исполнением первого эдикта, разрушив несколько церквей в Галлии (*Lact. De Mort. Pers.*, 15, 7)²². Напротив, на территории, подвластной Максимиану — в Италии, Испании, Сицилии и Северной Африке, гонения имели место, хотя и не такое продолжительное время, как на Востоке²³. Причиной, подтолкнувшей Максимиана развернуть масштабные преследования в Северной Африке, являлась, по мнению Т. Д. Барнса, заинтересованность местных политических элит²⁴. Из сообщений наших источников не до конца ясно, применялись ли в Африке какие-либо эдикты Диоклетиана, кроме первого²⁵. Евсевий никак не поясняет этот момент, говоря лишь о большом количестве узников в Африке и Мавретании (*Euseb. HE*, VIII, 6, 10). Возможно, требование проконсула Африки Ануллина всеобщего жертвоприношения в дополнение к разрушению храмов и преследованию христиан являлось или его личной инициативой, или решением Максимиана (*Optat. Appendix*, 2; *Pass. Tipas.*, 4). Есть свидетельства, что она встретила поддержку местной администрации. Так, губернатор Милевиса в Нумидии летом или осенью 303 г. установил дни «возжигания ладана» (*CIL VIII*, 6700). Христиане были обязаны принести жертвы, и многие погибли. Впрочем, преследования носили здесь непродолжительный характер, и их драматические последствия были обусловлены не только жестокостью гонителей, но и особым отношением местных христиан к мученичеству и к связанным со всем этим еkkлезиальным разногласиям.

Резюмируя вышесказанное, можно заметить, что причины гонений сложились из множества обстоятельств. Здесь проявились и нетерпимость Галерия, и антихристианские настроения в обществе, и реальные или мнимые подозрения Диоклетиана к христианам в политической

²¹ *Gregoire H. Les persecutions...* S. 68.

²² *Jones A. H. M. The Later Roman Empire...* P. 71–72.

²³ *Clarke G. Third-Century Christianity...* P. 651; *Barnes T. D. Constantine and Eusebius...* P. 23.

²⁴ *Barnes T. D. Constantine and Eusebius...* P. 23.

²⁵ *Croix Ste G. E. M. de. Aspects...* P. 85.

нелояльности. Цель преследований заключалась если не в уничтожении полностью, то в максимальном ослаблении Церкви и в дискредитации клириков в глазах верующих. В отличие от предыдущих гонений, решение Диоклетиана носило явно продуманный и взвешенный характер, и проводились они последовательно и энергично, да и количество жертв, во всяком случае в восточных провинциях, было значительным. Однако, как и в предшествующую эпоху, римскому правительству не удалось не только уничтожить церковь, но и нанести ей серьезный урон. Не в последнюю очередь это связано с тем, что к концу III в. это была уже крупная организация, имевшая поддержку во всех слоях общества. Кроме того, христианство предлагало цельную религиозно-философскую доктрину, стройную и всеобъемлющую, с которой не могла уже конкурировать ни одна языческая религия. Все это вместе диктовало наследникам Диоклетиана необходимость искать примирения с церковью, дать ей легальный статус и в конечном счете включить в круг официальных римских религий, где она неизбежно становилась господствующей.

Источники и литература

1. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви / под ред. и с предисл. А. Бриллиантова; репринт: в 4 т. Т. 2: История церкви в период до Константина Великого. М.: Спасо-Преображен. Валаам. Ставропигиал. монастырь, 1994. 474 с.
2. *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.
3. *Лебедев А. П.* Греческие церковные историки IV, V, VI веков. М.: Тип. Снегиревых, 1890. 232 с.
4. *Barnes T. D.* Lactantius and Constantine // *The Journal of Roman Studies*. 1973. № 63. P. 22–46 .
5. *Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 466 p.
6. *Brown P.* The Diffusion of Manichaeism in the Roman Empire // *The Journal of Roman Studies*. 1969. Vol. 59. № 1/2. P. 92–103.
7. *Clarke G.* Third-Century Christianity // *The Cambridge Ancient History*. Vol. XII: The Crisis of Empire, A. D. 193–337 / ed. by A. Bowman, A. Cameron, P. Garnsey. 2 ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 589–671.
8. *Croix Ste G. E. M. de.* Aspects of the «Great» Persecution // *Harvard Theological Review*. 1954. Vol. 47. № 2. P. 75–113.
9. *Davies. P. S.* The Origin and Purpose of the Persecution of A. D. 303 // *The Journal of Theological Studies*. 1989. Vol. 40. P. 66–94.

10. *Digester E. D.* An Oracle of Apollo at Daphne and the Great Persecution // *Classical Philology*. 2004. Vol. 99. № 1. P. 57–77.
11. *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Église. 2 éd. Paris: Fontemoing, 1907. T. 2. 671 p.
12. *Frend W. H. C.* Prelude to the Great Persecution: The Propaganda War // *Journal of Ecclesiastical History*. 1987. № 38. P. 1–18.
13. *Gregoire H.* Les persecutions dans l'empire romain. 2 éd. Bruxelles: Palais des Académies, 1964. 269 p.
14. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 1. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 538 p.
15. *Keresztes P.* From the Great Persecution to the Peace of Galerius // *Vigiliae Christianae*. 1983. Vol. 37. P. 379–399.
16. *Portmann W.* Zu den Motiven der Diokletianischen Christenverfolgung // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1990. Bd. 39. S. 212–248.
17. *Southern P.* The Roman Empire from Severus to Constantine. London; New York: Routledge, 2004. 413 p.
18. *Volterra E.* La costituzione di Diocleziano e Massimiano contro i Manichei // *La Persia e il mondo greco-romano*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1966. P. 27–50.

Aleksey Kargal'tsev. Towards the question on the Diocletian's motivation of his religious policy.

During the reign of Diocletian the last and most decisive offensive of the Roman state to the Christian Church happened. Within two years (303-305) the Emperor had issued four anti-Christian edicts, and the persecutions were held in various parts of the Empire under his successors. Only with the victory of Constantine they were to stop. Diocletian's politics differed from his predecessors one. By repressive measures the government sought to oust the position of the Church that had grown significantly by the end of the 3rd century. The persecution impacted the very basement of the Church, i.e. the clergy and the Holy Scripture books. Church buildings were destroyed and a significant number of believers were subjected to cruel torture and executions. But it should be noted the fact that the persecution began only at the end of the reign of Diocletian and proceeded unevenly in different parts of the Empire, which prevents us to evaluate the policy of the Emperor-persecutor in black and white colors.

Keywords: Great persecution, Roman Empire, Diocletian, Christianity, Roman paganism.

Aleksey Vital'yevich Kargal'tsev – Postgraduate student of the Institute of History of Saint Petersburg State University (kargaltsev@gmail.com).